

Соотношение правовых ценностей и антиценностей

Евгений Михайлович Александров – сотрудник Независимого центра социально-правовой работы и консалтинга. Новосибирск, Россия.

Игорь Владимирович Моисеенко – сотрудник Независимого центра социально-правовой работы и консалтинга. Новосибирск, Россия.

E-mail: ncentr-sp@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены правовые ценности и антиценности. Особое внимание уделяется роли правовых ценностей и антиценностей в развитии общественных отношений и в целом правовой системы. Аксиологический подход к исследованию правовой реальности позволяет представить правовые ценности и антиценности как феномены: 1) дополняющие друг друга по смыслу; 2) показывающие динамику правовой реальности, закрепление в ней новых ценностей или сохранение традиционных; 3) составляющие необходимые элементы любой правовой системы в любое историческое время; 4) влияющие на формирование тех или иных правовых норм и правил; 5) определяющие характер отношений с различными структурами права. Выявление особенностей правовых ценностей и антиценностей позволяет рассматривать их как культурные универсалии. Это значит, что данные феномены свойственны всем культурам. Кроме того, они определяют ход социокультурного развития обществ и государств.

Ключевые слова: правовая реальность, правовые ценности, правовые антиценности, общественные отношения.

Введение

Правовые ценности как специальная группа ценностей, обладающих выраженной спецификой, не всегда выделяется теми или иными исследователями в качестве самостоятельного вида. Сам механизм действия правовых ценностей и их природа дают возможность для включения их в различные другие классы, например, в число социальных или же политических ценностей. Поводом именно для такого отнесения чаще всего выступает регуляционный характер, степень воздействия на определенные общественные отношения. Так, например, законопослушание выступает как безусловная правовая ценность, однако ее закрепление в системе политических универсалий объясняется тем, что следование закону регулирует в целом развитие политических отношений, а, допустим, законопослушание как социальная ценность регламентирует процессы консолидации общества. В этой ситуации допускается очевидное смешение ценностей и норм, что только усиливает социально-политическую, а иногда и социально-экономическую детерминацию правовых ценностей.

Разграничение правовых и других ценностей имеет важное методологическое значение. Очевидно, что для утверждения систем ценностей вообще необходимо отыскивать более четкие или даже веские основания. К примеру, витальные ценности, как известно, группируются по ключевому слову «жизнь», однако этого явно недостаточно для полноценной систематизации, поскольку любая универсальность из этого класса на том же основании может быть отнесена и к другой классификации: жизнь и труд, жизнь и благо, жизнь и семья и т.д. Становится понятным, что для типизации этих ценностей нужен иной критерий. Таким критерием может являться соотнесение ценностей с личностью или обществом. Витальные ценности, конечно же, должны быть отнесены к личности, в то время как, например, социальные ценности – феномен общественного свойства. Вопрос возникает и в отношении эстетических, художественных и собственно культурных ценностей: они являются «личностными» или «общественными»? Поэтому все же нужно вести речь о введении дополнительных критериев, когда возникает необходимость дифференциации различных ценностей и включения их в ту или иную типологию. Что касается правовых ценностей, то представляется важным не просто формальное их

соотнесение с правовой реальностью (в том смысле, что само название позволяет их квалифицировать как универсалии, связанные с правовой системой), а закрепление за ними свойства быть *маркерами* общественных отношений.

Социокультурный контекст в трактовке правовых ценностей

Ценности как таковые всегда выступают в качестве факторов тех или иных отношений, процессов и явлений, они свидетельствуют о срезе общественных настроений, общественного мнения, оценок событий и фактов. В аксиологии ценности, как правило, «формализуют», скрепляют, упорядочивают подчас разрозненные обстоятельства и реалии окружающей действительности. Но в таком состоянии они подвержены возможности все большего манипулирования ими. Между тем ценность – это инструмент выживания общества или государства или человека. При таком подходе выделение правовых ценностей как уникальной системы нельзя игнорировать. Методологический смысл здесь заключается как раз в том, что правовые ценности становятся и интеграторами, и дезинтеграторами общества. В первом случае они лишь подтверждают свой статус ценности, во втором приобретают свойство антиценности.

Правовые антиценности не являются предметом рассмотрения какой-либо современной области знания, они, кстати, никак специальным образом не обозначены и в правоведении. Можно предположить почему – в качестве антиценостных проявлений или точнее – негативных сторон формирования и реализации права традиционно изучаются правовой нигилизм и правовой идеализм. Их, конечно, не назовешь антиценостями в полном смысле слова, поскольку они являются элементами правосознания, однако, как нам кажется, следует все же вести речь о правовых антиценостях как о самодостаточных формах бытования правовой реальности. Итак, какими же свойствами должны обладать правовые ценности и антиценности с точки зрения социокультурного подхода?

В правоведении социокультурный подход не имеет решающего методологического значения, тем не менее, когда исследователь обращается к проблемам связи норм и культурных традиций, обычая, этнона-

циональной детерминации правовой системы и т.д., он не может избежать в полной мере социокультурного взгляда на эти и другие вопросы. Основой такого анализа нередко выступает положение об амбивалентной сущности правовых феноменов и явлений: с одной стороны, они оказывают выраженное воздействие на общественные отношения, с другой стороны – общество само создает условия для формирования и развития этих феноменов и явлений. Например, если оценивать отношение населения к необходимости отмены моратория на смертную казнь, то можно заметить: достигло ли современное общество «пика» гуманности, когда столь продолжительное время смертная казнь не применялась в стране, и стал ли для общества безоговорочной фундаментальной ценностью человек. Или все же масштаб общественных отношений настолько претерпел трансформацию, что смертная казнь (а не человек) может стать самостоятельной ценностью в обществе. Подчеркнем: именно ценностью, а не антиценностью. Поэтому важно использовать потенциал социокультурного подхода для выяснения отличий правовых ценностей и правовых антиценостей.

Такие отличия состоят в следующем:

(1) *при символизации действительности*: правовые ценности «кодируют» символы и смыслы бытия (законопослушание – символ двустороннего договора между индивидом и государством, главной целью которого становится безоговорочное соблюдение закона), правовые антиценности между тем «декодируют» реальность (тяжкое преступление как противоположность законопослушанию указывает на мгновенную дистанцию между индивидом и обществом – преступник, как правило, оказывается в местах лишения свободы за серьезное преступное деяние);

(2) *в повседневной реальности*: правовые ценности менее информативны, не являются непреложными атрибутами человеческой индивидуальной жизнедеятельности при отправлении привычных действий, повторяющихся изо дня в день, т.е. в повседневности (например, конституция или какой-либо официальный закон не могут восприниматься индивидом как руководство к каждодневным иногда механическим действиям людей, осуществляемым по принципу: работа – дом – работа), а правовые антиценности тем временем способствуют нарушению привычного порядка вещей в повседневной жизни человека, так как он устанавливает для себя свое собственное субъективное «прочтение» конституции или закона («этот закон глупый, а значит, мне не

нужный, поэтому я не обязан его соблюдать» – в этой ситуации индивид совершает правонарушения изо дня в день и отдает себе отчет в этом обстоятельстве);

(3) *в духовной жизни*: правовые универсалии апеллируют к единению добра и зла (отметим: именно к единению, поскольку в полной мере исключить зло из бытования человека невозможно, как бы он этого не желал, а следовательно, нужно «договариваться» с ним, «держать зло на коротком поводке»); по этой причине мы наблюдаем: преступник совершает разбойное нападение и сознается в этом (истинное зло), но получает за это добро (амнистию); правовые антиценности границы добра и зла четко разделяют (преступление не может быть ни при каком условии оправдано «во имя сострадания, участия в судьбе другого человека и т.д.»: убийство ради получения средств на лечение больного ребенка). Как видим, полюсы ценностей и антиценностей правового характера разнятся весьма существенно и в то же время нельзя не заметить, что и те, и другие взаимодополняют друг друга, создают ценностно-смысловой комплекс.

Правовые ценности, равно как и правовые антиценности, являются культурными универсалиями. Как полагает В.Е. Чиркин, «понятия ценности многих явлений (жизни, здоровья, свободы, справедливости, мира, согласия, общего блага и др.) сложились в менталитете индивидов и народов на опыте, видимо, миллионов лет существования человека как разумного социобиологического существа» (Чиркин 2013: 18). Возникновение правовых ценностей логично было бы связать с появлением права как такового, однако этот вид ценностей должен быть соотнесен с кругом тех или иных общественных отношений в социальной практике и с определенными культурными традициями в повседневной жизни носителей культуры. С этой точки зрения правовые ценности и рассматриваются как культурные универсалии, поскольку они, во-первых, характерны для всех стран и народов, а во-вторых, пронизывают практически весь спектр общественных отношений. Одно то обстоятельство, что культурные традиции легли в основу появления и развития правовых семей и правовых норм, позволяет говорить о ведущей роли культурной системы в производстве правовых ценностей и антиценостей. Почему надо их изучать вместе, если выше мы продемонстрировали ряд значимых отличий между ними? Дело в том, что всякое проявление антиценостей скорее подходит под определение девиации или отклонения от нормы, поэтому и возникают разнотечения

в их понимании. Очень редко можно увидеть публикации, в которых бы феномен антиценности (в том числе и правовой) рассматривался как самостоятельный предмет изучения, обладающий выраженной спецификой. Если относительно ценностей такого сказать нельзя, то применительно к их противоположностям является вполне резонным замечанием. По-видимому, антиценности лишь оттеняют ценности и создают, таким образом, антагоничные коннотации. Но поскольку речь идет о культурных универсалиях, то более обоснованной выглядит точка зрения, в соответствии с которой исследуемые феномены дополняют друг друга в содержательном плане (как, например, Добро невозможно без Зла, а витальное без танатального и т.д.) и только тогда могут получить статус культурных универсалий (не ценности сами по себе и не антиценности по отдельности, а только их совокупность или точнее взаимодополнение). К слову сказать, некоторые исследователи используют понятие ценностных антиформ (см.: Кравченко 2005: 5), но оно в смысловом плане представляется не очень совершенным.

Важнейшим свойством правовых культурных универсалий является объективность. Это характерно и для ценностей вообще, и для культурных универсалий правового свойства также.

Ценности объективны не потому, – полагает И.И. Кравченко, – что они независимы от человека, разума, истории, действительности, а потому именно, что они порождаются этими универсальными началами, которые обладают собственной объективностью: человек объективен по отношению к другим людям, сообщество людей объективно по отношению к индивиду, история объективна по отношению к действительности и человеку, живущему в ней (Кравченко 2005: 3).

Возможность объективации правовых культурных универсалий

Объективация правовых культурных универсалий связана со следующими факторами:

(1) *интернализация права*: развитие международных правовых систем активизирует правовые культурные универсалии и все более отчетливее разделяет ценности и антиценности данного порядка (так, например, с одной стороны, действуют общепризнанные принципы международного права, а с другой – некоторые государства намеренно

уклоняются от соблюдения этих постулатов, допуская неправомерные действия);

(2) *правовой нигилизм*: непопулярные для населения юридические нормы создают более выраженные границы между правовыми ценностями и антиценостями, при этом компенсировать такое противопоставление под силу лишь традиционным мировоззренческим установкам (к примеру, значимости почитания предков или исторической памяти о победе в войне или сражении и т.д.);

(3) *правовое принуждение* объективирует правовые универсалии благодаря механизму коррекции правомерного поведения индивидов, при этом общество в целом может не поддерживать меры принудительного воздействия на человека, подозревая в этом нарушение прав и свобод личности, но при определенном стечении обстоятельств, когда необходимо собрать налоги, получить компенсации для жертв преступлений и т.д., то становится понятным положительный эффект таких мер, и общество готово признать важность принуждения. Само правовое принуждение, кроме того, также становится культурной универсалией и как ценность является единственным способом разрешения проблем юридического характера, а как правовая антиценность абсолютизирует применение силы по отношению ко всем субъектам правоотношений и, таким образом, может привести к укреплению карательной, а не гуманитарной стратегии развития государственности.

Правовые (анти)ценности как маркеры социальных отношений

В качестве маркеров общественных отношений правовые ценности и антиценности играют важную дифференцирующую роль. Как известно, традиционно в качестве таких маркеров рассматриваются социальные и правовые нормы; именно им принадлежит функция «руководства» теми или иными общественными отношениями в сфере труда, образования, финансового регулирования и т.д. Производство норм не прекращается, увеличивается и тем самым достигается еще больше обособление различных общественных отношений. Для каждого из них законодатель избирает собственную совокупность регламен-

тирующих норм и правил, они прочно закрепляются за этими отношениями и формируют ту или иную отрасль права.

Но для каждого такого общественного отношения необходима не только совокупность норм, но и своего рода *договор или соглашение о ценностях*. Предметом такого договора должно стать определение границ правовых ценностей и антиценостей, субъектами договора могут быть социальные группы, общество, государство, носители культуры. Но все же генеральная линия такого договора – это мысль о способе интеграции или консолидации общества, который будет базироваться, с одной стороны, на четком разграничении правовых ценностей и антиценостей, а с другой стороны, на определении культурных универсалий, объединяющих общество и оказывающих влияние на все без исключения общественные отношения. Как считают некоторые исследователи, «по всей видимости, духовность, как и высшая власть, должна носить такой объединительный и надпартийный по своему содержанию характер, который окажется способным объединить людей вокруг практического осуществления Общего Дела» (Шевченко 2013: 19). Или, например, «общего блага», которое упоминается в качестве высшей ценности (Кравченко 2005: 6). Но вполне резонно звучит положение и о том, что «именно представление об общественном отношении как справедливом, то есть интерсубъективно признаваемом, обеспечивает легитимацию политических институтов и лидеров. Именно идея социальной справедливости осуществляет интеграцию общества» (Кочетков, Кочеткова 2010: 27).

Как видим, поиск надежного средства интеграции общества является довольно актуальной проблемой, требующей внимания со стороны разных наук, в том числе и юриспруденции. Между тем о правовых ценностях в юридическом дискурсе сегодня пишут мало или вовсе обходят его вниманием. Ведущие юридические журналы довольно редко публикуют материалы о правовых ценностях, хотя, конечно, встречаются любопытные исследовательские работы (см., например: Рафалюк 2015; Орлова 2015). Объясняется это, по нашему мнению, тем обстоятельством, что правовые ценности признаются предметом изучения философии права, относительно юридической спецификации которой также возникают дискуссии. Однако не вызывает сомнения тот факт, что правовые ценности сами по себе и в совокупности с антиценостями являются основой для создания новых юридических норм и их применения на практике.

Особый характер правовых ценностей заявляет о себе в тех случаях, когда не до конца проясненным остается юридический смысл тех или иных категорий, которые прямо апеллируют к правовым ценностям. Конечно, первенствует здесь основной закон государства. И в действующей Конституции Российской Федерации, к примеру, наблюдается такое состояние норм и ценностей: статья седьмая о социальном государстве использует понятия достойной жизни и свободного развития человека, однако эти универсалии, являясь, по сути, правовыми ценностями, отчетливого нормативного определения не получают. И достойная жизнь, и свободное развитие – вещи чрезвычайно субъективные, понимаемые каждым человеком, да и обществом в целом, по-своему, к тому же они в равной степени могут влиять как на консолидацию общества, так и на усиление разобщенности в нем. С точки зрения Н.С. Розова,

каждая конституция пишется для народа, страны и государства. Конституция призвана, кроме прочего, устанавливать...некий образ общества, причем зафиксированные в ней ценности и нормы нередко оказывают существенное влияние на дальнейшее развитие общества (Розов 2013: 152).

Очевидно, что для выяснения адекватности, правильности принятия «договора о ценностях» необходимо выяснить характер соотнесенности фундаментальных ценностей общества, прошедших должную аprobацию или верификацию в историческом времени, ценностей правовых, основанных на фундаментальных, и, наконец, юридических норм. Конституция как раз демонстрирует логику такого процесса: фундаментальной ценностью объявляется человек (ст. 2), достойная жизнь «привязывается» к одной из ключевых конституционных характеристик государства – социальному государству (ч. 1 ст. 7 Конституции России), и на этой почве появляется ряд норм, которые инструментализируют (придают реалистичный смысл) эти ценности (например, ч. 2 ст. 7).

Заключение

Итак, обратимся к основным выводам:

(1) правовые ценности и антиценности являются существенной стороной бытования и правовой системы в целом, и человека и общества в ней;

(2) правовые ценности и антиценности дополняют друг друга и в таком виде приобретают характер культурных универсалий, распространенных в разных эпохах и в разных пространствах;

(3) для функционирования правовой системы необходим «договор о ценностях», который установит связь фундаментальных (или абсолютных) и правовых ценностей, а также юридических норм;

(4) правовые ценности и антиценности пронизывают все общественные отношения, подвергаемые юридической регламентации.

Список источников

Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н. К вопросу о генезисе пост-индустриального общества // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 23-33.

Кравченко И.И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 3-16.

Орлова О.В. Личность – основная ценность гражданского общества // Государство и право. 2015. № 6. С. 76-81.

Рафалюк Е.Е. Аксиологический подход в международном праве // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 110-125.

Розов Н.С. Конституционные ценности, смысл истории и тройственное самоиспытание обществ // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 151-164.

Чиркин В.Е. О базовых ценностях российской конституции (к 20-летию Конституции России) // Государство и право. 2013. № 12. С. 18-25.

Шевченко В.Н. О перспективах реформирования российского государства: современные дискуссии в науке и за ее пределами // Философские науки. 2013. № 7. С. 5-21.

Correlation of legal values and anti-values

Evgeny M. Alexandrov – employee of the Independent Center for Social and Legal Work and Consulting. Novosibirsk, Russia.

Igor V. Moiseenko – employee of the Independent Center for Social and Legal Work and Consulting. Novosibirsk, Russia.

E-mail: ncentr-sp@yandex.ru

Abstract. The article discusses legal values and anti-values. Special attention is paid to the role of legal values and anti-values in the development of public relations and the legal system as a whole. The axiological approach to the study of legal reality allows us to present legal values and anti-values as phenomena: 1) complementary in meaning; 2) showing the dynamics of legal reality, the consolidation of new values in it or the preservation of traditional ones; 3) constituting necessary elements of any legal system at any historical time; 4) influencing the formation of certain legal norms and rules; 5) determining the nature of relations with various legal structures. Identifying the features of legal values and anti-values allows us to consider them as cultural universals. This means that these phenomena are common to all cultures. In addition, they determine the course of socio-cultural development of societies and states.

Keywords: legal reality, legal values, legal anti-values, public relations.

References

- Kochetkov, V.V., Kochetkova, L.N. (2010) On the genesis of post-industrial society. *Questions of philosophy*. No. 2. P. 23-33.
- Kravchenko, I.I. (2005) Political and other social values. *Questions of Philosophy*. No. 2. P. 3-16.
- Orlova, O.V. (2015) Personality is the main value of civil society. *State and Law*. No. 6. P. 76-81.
- Rafalyuk, E.E. (2015) The axiological approach in international law. *Journal of Russian Law*. No. 10. P. 110-125.
- Rozov, N.S. (2013) Constitutional values, the meaning of history and the triple self-examination of societies. *Social Sciences and Modernity*. No. 2. P. 151-164.

Chirkin, V.E. (2013) On the basic values of the Russian Constitution (on the 20th anniversary of the Constitution of Russia). *State and Law*. No. 12. P. 18-25.

Shevchenko, V.N. (2013) On the prospects of reforming the Russian state: modern discussions in science and beyond. *Philosophical Sciences*. No. 7. P. 5-21.

Статья поступила 19.05.2025

Принята к публикации 30.09.2025